

АРКАДИЯ • САГА

АДАМ УИЛЪЯМС

КНИГА
АЛХИМИКА

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.111
ББК 83.3(7)
УЗ6

Adam Williams
THE BOOK OF ALCHEMIST

Перевел с английского
Никита Вуль

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Уильямс А.

УЗ6 Книга алхимика : [роман] / Адам Уильямс; [пер. с англ. Н. Вуля]. — СПб.: Аркадия, 2018. — 488 с. — (Серия «Аркадия. Сага»). ISBN 978-5-906986-50-4

Андалусия, 1938 год. Гражданская война в Испании подходит к концу. Горстка коммунистов-сталинистов, загнанная противником — испанскими фашистами — в маленький городок, захватывает заложников и запирает их в прекрасном старинном соборе. Коммунисты планируют взорвать храм, уничтожив как можно больше врагов. Кажется, у оказавшихся в заключении людей нет ни малейшего шанса выжить, но одному из них, бывшему министру и знатоку Средневековья профессору Пинсону, попадает в руки рукопись еврея-алхимика, хранившаяся в укрытой под собором мечети XI века. И эта книга дарит людям ключ к свободе; правда, насладиться ею смогут не все...

УДК 821.111
ББК 83.3 (7)

ISBN 978-5-906986-50-4

© Adam Williams, 2009
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2018

Посвящается Александру, Клио и Сибиле

*Готов идти в полон я за оленя,
Что встал в ночи, под лютни глас и флейты,
И рек, бокал в руке моей увидев:
«Из уст моих кровь винограда пей ты!»
А месяц был — как на плаще рассвета
Златая буква «йод» в начале бейта¹.*

Самуил Нагид (993–1056)

«Олень»

*...Друзья, постройте
из камня и сна в Альгамбре
надгробье поэту
у фонтана, где вода будет вечно плакать,
говоря всем:
его убили в Гранаде, в его Гранаде!*

Антонио Мачадо (1875–1939)

*«Преступление свершилось в Гранаде...
(На смерть Федерико Гарсиа Лорки)»*

*Бой нынешний расторг
Прекраснейшее рыцарское братство,
Какое видел мир. Они уснули
Навек — друзья любимые. Отныне
Не тешиться им славною беседой
О битвах и турнирах, не гулять
По залам и аллеям Камелота,
Как в дни былые...²*

Альфред Теннисон (1809–1892)

«Смерть Артура»

¹ Перевод Шломо Крола.

² Перевод Г. Кружкова.

Прелюдия: вопрос совести

Валенсия, апрель 1937 года

В ноздри бил запах мочи и немых человеческих тел. Вонь показалась ему настолько ужасной, что его чуть не стошнило прямо на лестнице, однако он все же нашел в себе силы спуститься по металлическим ступенькам до самого конца. Свет фонаря скользнул по людям, выхватывая из темноты лица стариков, женщин и детей. Тут их набилось несколько сотен. Сверкая глазами, они глядели на него отчасти с подозрением, отчасти с испугом. Он читал докладные записки о положении на Арагонском фронте, и потому ему не составило труда догадаться, что перед ним беженцы — всеми позабытые, безымянные — беда, неизбежно сопутствующая всем войнам.

Бормоча проклятья, его шофер принялся пробираться по битком набитому бомбоубежищу. Едва они успели найти себе место, как немецкие самолеты пошли на второй заход. Хлипкие стены содрогнулись, посыпались крошки цемента и штукатурка.

Бомбежка продолжалась всю ночь. То тут, то там раздавались вопли и плач — жуткий аккомпанемент грохоту разрывов. Порой самолеты удалялись, о чем люди в бомбоубежище догадывались по постепенно затихавшим свисту и рокоту, но проходило несколько мгновений, и рев двигателей снова наполнял воздух. Ужас сковывал перепуганных людей, представлявших, как летят к земле несущие смерть бомбы. Потом стены начинали ходить ходуном от взрывов, которые вышибали из головы все мысли, оставляя только животный страх, скручивавший судорогой тело. Вспышки рвущихся бомб на мгновение озаряли помещение сквозь щели в крыше,

и тогда становились видны бледные, искаженные безумием лица. «Это какой-то ад», — думал Пинсон, ни на секунду не сомневаясь, что бомбежки ему не пережить. Но после того, как тряска и грохот закончились, ему как-то незаметно удалось задремать.

Он проснулся и растерянно заморгал, оттого что почувствовал, как его кто-то легонько тронул за плечо. Перед ним стояла девочка. Она куталась в истрепанное одеяло и глядела на Пинсона. На вид ей было восемь, от силы — девять лет. Угловатое грязное личико в блеклом свете отливало синевой. Глубоко посаженные глаза смотрели на Пинсона умоляюще и в то же время оценивающе.

— *Сигаррильо. Сигаррильо, пор фавор, сеньор*³, — настойчиво шептала девочка.

Он знал, что означает жеманная улыбка на ее лице. Курево заменило деньги. Курево можно обменять на еду. И некоторые мужчины с радостью расплатятся куревом за кое-какие услуги, которые может оказать даже такая маленькая девочка. «Пресвятая Богородица, да она же всего на пару лет старше моего внука», — внутренне содрогнувшись, подумал Пинсон.

— А ну пошла отсюда, сучка малолетняя! — рывкнул, поднимаясь, сидевший рядом с ним шофер. Его зятянутые в перчатки ладони сжались в кулаки.

— Не надо, Андрес, — поймал его за руку Пинсон и повернулся к девочке. — Не бойся, малышка. Как тебя зовут?

— Кармелита, — ответила она, одарив Пинсона еще одной кокетливой улыбкой.

«Врет», — подумал он и спросил:

— Ты из Арагона?

— Я из *пуэбло*⁴, — она чуть нахмурилась, похоже не понимая, о чем идет речь.

— А название у него есть?

— *Пуэбло*, — пожала девочка плечами, видимо сочтя вопрос дурацким.

— Скажи, Кармелита, а где твои родители?

Девчушка понурилась и не произнесла ни слова.

— Кто же тогда присматривает за тобой?

³ *Cigarrillo. Cigarrillo, por favor, Señor (исп.)* — Сигарету, пожалуйста, сигарету, сеньор.

⁴ *Pueblo (исп.)* — селение, деревня, небольшой город.

— Дядя, сеньор, — отозвалась она. — Он нас отводит на ночь в разные бомбоубежища.

К горлу подкатила дурнота. Пинсон сунул руку в карман пальто.

— Держи, малышка. Купи себе хлеба. И передай тому человеку, который зовет себя твоим дядей, что если я еще хоть раз...

Пинсон умолк, так и не договорив. Дело безнадежное. Что он, при всем его влиянии, может сделать? Сколько сейчас таких Кармелит по всей Испании? Тысячи? Десятки тысяч?

— Значит так: купи хлеба и поешь. И только потом отдашь остаток денег дяде. Обещаешь?

Глаза девочки расширились, когда она увидела на его ладони серебряные монеты. Быстро схватив их, Кармелита кинулась прочь, легко перепрыгивая через спящих на полу людей. Несколько мгновений — и она уже скрылась из виду.

— Давай-ка, Андрес, поаккуратней, — сказал, поднимаясь, Пинсон.

Он принялся осторожно пробираться по бомбоубежищу, стараясь ни на кого не наступить. Пинсон почти добрался до двери, когда случайно наткнулся на пожилого мужчину в берете, который как раз пытался встать, опираясь на костыль. Костыль со стуком полетел на каменный пол, а за ним повалился и сам старик. Пинсон подхватил бедолагу, стараясь не обращать внимания на исходившую от него вонь. Убедившись, что старик крепко стоит на ногах, Пинсон нагнулся и протянул ему поднятый с пола костыль со словами:

— Прошу прощения, сеньор. Извините.

От внимания Пинсона не ускользнула та ненависть, с которой пожилой человек смотрел на его дорогую фетровую шляпу и меховой воротник пальто.

— Шакалы, — прошипел старик и сплюнул.

Шофер с Пинсоном вышли на улицу. Квартал полыхал. Дорога была завалена обломками, воняло дымом и кордитом. Руины зданий и среди них черные, призрачные силуэты — старухи, ищущие, чем бы поживиться.

Пинсон пробился через толпу набившихся в фойе просителей и, тяжело ступая, поднялся по мраморной лестнице, не обращая внимания на салютующих солдат службы охраны. Его переполняла холодная ярость.

— Ваше превосходительство, мы ожидали, что вы придете вчера вечером, — пролепетал Горрис, секретарь, прижимая к груди коробку с документами. Он еле поспевал за своим шефом. — Нужно срочно завизировать пресс-релизы для газет.

— Потом, — оборвал его Пинсон. Добравшись до верхнего лестничного марша, он обернулся и посмотрел на секретаря. — Вам доводилось ночевать в бомбоубежищах для простых людей?

— Нет, ваше превосходительство. Мне разрешено пользоваться правительственным — под этим зданием.

— Эти бомбоубежища для обычных людей — стыд и позор, — проговорил Пинсон сквозь зубы, — ловушки-душегубки. Как можно так безответственно подходить к делу? Мне надо поговорить с Ларго Кабальеро.

Он быстрым шагом прошел по коридору, стуча каблуками по мозаичному полу в стиле ар-деко. В былые времена тут располагался роскошный отель. Когда Пинсон остановился у двери своего кабинета, Горрис с надеждой в голосе спросил:

— Как прошла встреча в Барселоне, ваше превосходительство? Удачно?

— С русским генералом, который учит меня, как правильно вести пропагандистскую работу? — с издевкой произнес Пинсон. — А вы как думаете?

Секретарь вздохнул и предпринял последнюю попытку поднять настроение шефу.

— Надеюсь, вам удалось повидаться с сыном, господин министр? Вы говорили, что ополчение Рауля вернулось в казармы.

— Нет, времени не было. — Пинсон повернул латунную ручку, распахнул дверь и застыл на месте. — Во имя Пресвятой Богородицы, это еще что такое?

Над его столом на стене висел портрет Сталина.

Правильно тот старик в бомбоубежище обозвал его шакалом, так оно и есть. Слишком часто во время заседания кабинета министров он шел на сделку со своей совестью, слишком часто плевал на свои убеждения. Кто он после этого? Шакал и есть. Что он сделал, когда генерал Франко и его хунта военачальников-консерваторов подняла мятеж против Республики? Ничего! Самодовольно

сидел сложа руки, как и остальные министры. И что в результате? Не успели они и глазом моргнуть, как потеряли четверть страны. После череды военных неудач он, как и все, проголосовал за альянс с Советским Союзом. Да, он заставил замолчать голос сомнения. Надо было быть прагматиком, реалистом. Подобный альянс представлялся целесообразным, особенно учитывая то отчаянное положение, в котором они оказались. И Пинсон, и его коллеги были потрясены скоростью наступления Франко на Мадрид. А дальше произошло неизбежное. Сперва Сталин досуха выдоил страну, заграбастав все накопленное, а потом коммунисты просочились в армию и в тайную полицию. Теперь с помощью марионеток в Министерстве финансов, вроде Негрина, они вдобавок контролируют и экономику. А как же либеральные ценности, которые так поддерживал Пинсон? Бездушная машина тоталитарного государства планомерно их перемалывала, превращая в труху. А что сделал он, Пинсон? Он хоть раз встал на их защиту? Нет! Ни разу.

А ведь когда-то у него были принципы. Ведь именно ради них он отказался от спокойной жизни в своем поместье. Ему хотелось справедливости и равенства. Для всех. Консерваторы его ненавидели. Ненавидела его и католическая церковь. После того как кардинал побеседовал с диктатором — генералом Примо де Ривера, Пинсона уволили с поста декана факультета медиевистики Университета Саламанки за «еретические» изменения, которые он, Пинсон, внес в учебный план. Студенты возмутились. Их поддержали профсоюзы. Начались волнения и в других университетах. Когда Пинсона восстановили в должности, он стал настоящим героем. Героем-социалистом! И тогда он решил встать на сторону Кортеса.

И сколько всего сумел добиться! В Испании наступила новая эра. Между прочим, не без его помощи и содействия. Новая Испания! Он — министр культуры. Страной управляет первое в истории либеральное правительство — широкая коалиция всех левых партий. Под руководством Пинсона начался блестящий, овеянный славой период национального возрождения. Он водил знакомство со всеми выдающимися художниками, писателями, поэтами и музыкантами своего времени. В круг его друзей входили и Унамуно, и Мануэль де Фалья, и Пабло Пикассо, и Антонио Мачадо, и Фернандо де лос Риос. Он первым из политиков протянул руку помощи

юному поэту Гарсиа Лорке и одним чудесным летом отправился с его бродячим театром по глухим уголкам родной страны. Вместе с Лоркой они познакомили рабочих и крестьян с удивительным миром искусства...

И что от всего этого осталось? Ничего.

Лорка пропал без следа. Убит фашистами в родной Гранаде? Возможно. Унамуно переметнулся к Франко и сгинул в позоре и бесчестии после того, как заявил протест против жестокости военных. Другие бежали за границу. Он, Пинсон, остался один и, сам того не замечая, постепенно предал все то, во что верил.

Довольно. Компромиссов больше не будет. Пора высказать наблевшее. Портрет Сталина в кабинете стал последней каплей.

Увы, когда Пинсон добрался до кабинета премьер-министра, старого социалиста Ларго Кабальеро, в правительстве которого он проработал последние два года, оказалось, что того нет на месте. Пинсона отправили в кабинет министра финансов.

Хуан Негрин, холеный повеса, гуляка и ловкач, представлял собой компромиссную фигуру, всегда устраивавшую всех. Всякий раз во время перестановок в правительстве Хуан шел на повышение. Пинсон подозревал, что у Негрина есть до отказа набитый советским золотом сейф в швейцарском банке. Хуан жестом предложил гостю сесть. Стену украшал портрет в золотой раме, с которого на Пинсона злобно смотрел Сталин.

— У меня письмо для премьер-министра, — сухо проговорил Пинсон. — Где он?

— Я полагаю, в Мадриде, — пожал плечами Негрин, — созывает своих старых товарищей по профсоюзной борьбе. Сами знаете, в последнее время дела у него идут не лучшим образом. Вряд ли он вернется в ближайшее время. Может, я могу чем-нибудь помочь?

— Пожалуй, нет, — Пинсон убрал конверт обратно в карман. — Я решил подать в отставку.

— Дружище, но почему?

— Правительства, в котором я согласился работать, больше не существует. И я не намерен поддерживать ползучий переворот, который устраивают коммунисты.

— Вам не кажется, что вы несколько драматизируете? — рассмеялся Негрин. — Русские всего-навсего наши союзники. Они нам нужны, чтобы прорвать блокаду Гитлера и Муссолини. Русские

поставляют нам пушки, танки и самолеты. А когда мы поймем, что эти союзники больше не приносят нам пользы, мы от них избавимся.

— То есть вас не смущают банды сталинистов, которые хозяйничают в городах и деревнях старой Кастилии и Арагона, разгоняя коммуны анархистов, — нахмурился Пинсон.

— Нисколько. Во время войны крайне важна политика централизации. Иначе нам не выиграть. Это просто рационально. Это необходимо.

— Только не силой оружия. Сколько наших людей убили за сопротивление этой вашей политике?

Негрин ничего не ответил. Повисло долгое молчание. Наконец собеседники посмотрели друг другу в глаза.

— Возможно вы в курсе, что я вчера ездил в Барселону, — негромко произнес Пинсон.

— Да... Вы встречались с Поповым.

— Вы знаете, что в городе напряженная обстановка?

— Когда было иначе? — пожал плечами Негрин. — В Барселоне вечно так. Просто количество каталонцев не мешало бы сократить.

— Так вот что вы собираетесь сделать!

— В каком смысле? — прищурился Негрин.

— Знаете, что я вчера там увидел? Военный лагерь. Ваши войска, которыми командуют коммунисты, заняли все форты. Каталонским частям и отрядам анархистов, находящимся в городской черте, приказали сдать оружие. Само собой разумеется, они отказались. Я видел, как они вместе с троцкистами проходили маршем по улицам.

— Их не так и много. Они не представляют угрозы, — фыркнул Негрин.

— Сталин с этим не согласится. Он не станет мириться с оппозицией. Любой. Даже в Испании.

— Я вам сто раз говорил, — покачал головой Негрин, — для нас совершенно не имеет значения, с чем там согласится или не согласится Сталин. Наши советские союзники тут на правах советников-консультантов. Правительством руководим мы. Мы определяем политику.

— Поймите, Негрин, Барселона — это пороховая бочка. Кто-то дал добро на провоцирование конфликта. Либо вы, либо кто-то другой.

— Вздор.